

уже отошедшего; а в числе их, конечно, были и сведения о происшествиях в Таре, Томске и Тюмени, частью даже, быть может, пережитые самим Саввой непосредственно. Литературно образованный по своему времени, сам писатель, автор «Списания о Сибири», может быть, в то же время общественный деятель в Тобольске или Томске, Савва, несомненно, имел все данные, чтобы использовать и собранный им материал, не нашедший места в силу указанной выше нами цели и плана в его «Списании», для нового произведения на тему близкую предыдущей, могущего представить несомненный интерес для его современников-сибиряков, т. е. для нашей «Повести». Созидая Повесть в духе «воинских» повестей, он, естественно, в стилистических целях имел возможность воспользоваться своим же прежним трудом, применив показавшийся подходящим из него материал для новой цели — рассказа о событиях 1634—1635 гг.; отсюда — точки соприкосновения,¹ именно текстуальные и по содержанию, между Повестью и «Списанием», и те изменения сходных мест в частности, какие представляются вполне законными у автора, пользующегося своим трудом более раннего времени. Приемы же его творчества, поскольку они не противоречили несколько иной цели его нового произведения, в общем остались теми же и теперь: та же склонность видеть параллель между ветхозаветными образами и событиями и событиями нового времени; только здесь, в Повести, она получила более определенное назначение: не только дать разъяснение смысла события, но и — в духе «воинской» повести — выразить настроение автора, подчеркивая дидактическую, идейную сторону его произведения. Спокойный тон повествователя о прошлом, благополучно завершившемся, заменился — опять-таки в согласии со стилистикой «воинской» повести — приподнятым, чему способствовала близость событий, притом далеко не утешительных, ко времени создания самой «Повести». Общая же идеология и в том и другом произведении осталась одной и той же — та же провиденциальная точка зрения на события — что и понятно: эта идеология оставалась неизменной у книжников определенной группы этого времени.

Таким образом все сказанное, взятое вместе, невольно наталкивает на соблазнительную, в то же время вполне естественную мысль: не одно ли и

¹ Даже единственный у Саввы Есипова в его «Списании» случай параллелизма, явившийся под влиянием известной Троянской истории (битва на реке Скамандре, стр. 130) вошел себе отзыв в Повести в виде воспоминания, вставочного по характеру, о Кентавре, явившемся на помощь Приаму и погибшем под Троей (л. 132 об. — 133).